

pocket**book**

Джордж СОНДЕРС

Купание в пруду
под дождем

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С62

George Saunders
A SWIM IN A POND IN THE RAIN

In Which Four Russians Give a Master Class on Writing,
Reading, and Life

Copyright © 2021 by George Saunders

This translation published by arrangement
with Random House, an imprint and division
of Penguin Random House LLC

Перевод с английского *Шаши Мартыновой*
Фотография на обложке С. А. Толстой.
Сентябрь 1901 г. Гаспра

Сондерс, Джордж.

С62 Купание в пруду под дождем / Джордж Сон-
дерс; [перевод с английского Ш. Мартыновой]. —
Москва : Эксмо, 2024. — 576 с.

ISBN 978-5-04-192942-8

Секреты литературы легко раскрыть — достаточно
лишь перевернуть страницу.

ЧЕХОВ. ТУРГЕНЕВ. ТОЛСТОЙ. ГОГОЛЬ.

СЕМЬ рассказов известных русских писателей —
СЕМЬ эссе, которые Джордж Сондерс создал на основе
курса, который вот уже много лет он читает в Сиракьюсском
университете.

«Когда читаешь этих авторов, они тебя меняют, а мир
вокруг словно бы начинает излагать другую, гораздо более
интересную, историю — историю, в какой можно сыграть
значимую роль и где на читателя возложена ответствен-
ность».

Ведь изучать литературу — это изучать саму жизнь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-192942-8 © Мартынова Ш., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Моим ученикам
в Сиракьюсском университете,
бывшим, нынешним и будущим.*

*И в благодарную память
о Сьюзен Кэмил.*

Иван Иваныч вышел наружу, бросился в воду с шумом и поплыл под дождем, широко взмахивая руками, и от него шли волны, и на волнах качались белые лилии; он доплыл до самой середины плеса и нырнул, и через минуту показался на другом месте и поплыл дальше, и всё нырял, стараясь достать дна. «Ах, боже мой... — повторял он, наслаждаясь. — Ах, боже мой...» Доплыл до мельницы, о чем-то поговорил там с мужиками и повернул назад, и на середине плеса лег, подставляя свое лицо под дождь. Буркин и Алехин уже оделись и собрались уходить, а он всё плавал и нырял.

— Ах, боже мой... — говорил он. — Ах, господи помилуй.

— Будет вам! — крикнул ему Буркин.

— *А. П. Чехов, «Крыжовник»*

НАЧИНАЕМ

Последние двадцать лет я преподаю в Сиракьюсском университете русский рассказ XIX века. Мои ученики — среди лучших молодых писателей Америки. (В год мы выбираем шесть новых студентов из шестисот — семисот желающих.) Они и без всякой учебы сами по себе замечательные. В последующие три года мы помогаем им достичь того, что я называю их «знаковым пространством», — это пространство, из которого все они смогут писать то, на что способны только они, применив все, что делает их неповторимо ими: свои силы, слабости, одержимости, причуды — всё на свете. На этом уровне хорошее письмо разумеется само собой; цель — помочь ученикам обрести технические средства, которые помогут им дерзко и радостно стать самими собой.

На русском курсе в надежде понять физику формы («Как это вообще устроено?») мы обращаемся к нескольким великим русским авторам и разбираемся, как у них это получалось. Я иногда вот так шучу (и вместе с тем не шучу): мы читаем, чтобы приглядеть себе что-нибудь подходящее да и своровать это.

Несколько лет назад после очередного занятия (скажем, меловая пыль плавала в осеннем воздухе, в углу урчала старомодная отопительная батарея, где-то вдали репетировал духовой оркестр) я осознал, что лучшие мгновения моей жизни, мгновения, когда я по-настоящему чувствовал, что предлагаю миру нечто ценное, случились у меня на этом русском курсе. Рассказы, которые я в нем даю, постоянно со мною в моей работе, они моя высокая планка, и в своих сочинениях я к ней тянусь. (Хочу, чтобы рассказы мои трогали и меняли людей в той же мере, в какой эти русские рассказы тронули и изменили меня.) Столько лет спустя тексты эти — словно старые друзья, друзья, каких я, преподавая курс, представляю все новым группам блистательных молодых писателей.

Вот почему я решил написать эту книгу — чтобы хоть частично собрать на бумаге то, что мы с моими учениками совместно открыли за многие годы, и тем самым предложить скромную версию этого курса вам.

За семестр мы читаем до тридцати рассказов (по два-три за занятие), но для этой книги ограничимся семью. Не подразумеваю, что эти семь рассказов как-то представляют все разнообразие русских писателей (только Чехова, Тургенева, Толстого и Гоголя) — или даже наилучшие рассказы этих авторов. Это просто семь историй, которые я люблю и знаю, как учить на их примере. Если бы передо мной стояла задача влюбить нечитающего человека в малую прозу, эти рассказы я бы предложил в первую очередь. По моему мнению, рас-

сказы эти замечательны и сочинены в эпоху расцвета жанра. Но не все они великолепны в равной мере. Некоторые великолепны, невзирая на те или иные огрехи. Некоторые же великолепны именно *благодаря* своим огрехам. А некоторые, возможно, требуют того, чтобы в их величии убеждали (и я с удовольствием попробую это сделать). Поговорить же я хочу о жанре рассказа как таковом, и для этой цели выбранные тексты годятся: они просты, ясны и фундаментальны.

Для начинающего писателя чтение русских рассказов того периода подобно изучению Баха для начинающего композитора. Все основополагающие принципы жанра — на виду. Рассказы эти просты, но они трогают. Нам не все равно, что́ в них происходит. Они сочинены так, чтобы испытать нас, вызвать противоречие и возмутить. И замысловато утешить.

Начав читать эти рассказы, в основном тихие, домашние, аполитичные и сочиненные прогрессивными реформаторами в репрессивной культуре под постоянной угрозой цензуры, эту мысль вы, вероятно, сочтете странной, однако это литература сопротивления, возникшая во времена, когда писателя за политические взгляды могли сослать, бросить в тюрьму или казнить. Сопротивление в этих рассказах тихое, не лобовое и, возможно, рождается из самой радикальной предпосылки: любой человек достоин внимания, а истоки любой способности к добру или злу во Вселенной можно отыскать, наблюдая за одним-единственным, даже самым неприметным человеком и за тем, как устроен его или ее ум.

Меня учили на инженера в Колорадском горном училище, художественной прозой я занялся поздно, и представление о ее задачах имел особое. Однажды летом я получил мощный опыт, читая по ночам «Гроздья гнева» в старом жилом автофургоне на подъездной дорожке возле родительского дома в Амарилло после долгих рабочих часов на нефтяных месторождениях — там я трудился так называемым размотчиком сейсмической косы. Среди моих напарников был некий ветеран вьетнамской войны, время от времени раздражавшийся посреди прерий воплями, как диктор в радиорубке («ЭТО В-ВОЙНА, АМАРИЛЛО!»), а также бывший зэк, только-только из тюрьмы, который, что ни утро, пока мы ехали в фургоне на работу, уведомлял меня о все новых и новых извращениях, какие они с его «дамой» опробовали прошедшей ночью, — те образы, как ни прискорбно, до сих пор со мной.

После таких вот рабочих дней я читал Стейнбека, и роман оживал у меня перед глазами. Я видел, что тружусь в некоем продолжении вымышленного мира. Та же Америка несколько десятилетий спустя. Уставал я, уставал и Том Джоуд. Мне казалось, что мною злоупотребляет некая громадная сила, нагребшая себе богатств, — то же казалось и «его преподобию» Кэйси¹. Меня и моих новых приятелей угнетал левиафан капитализма, как угнетал он тех «оклахомцев», что ехали через тот же «техасский выступ» в 1930-е по

¹ По переводу Н. Волжиной. — *Здесь и далее примечания переводчика, кроме оговоренных особо.*

пути в Калифорнию. Мы тоже были уродливыми обломками капитализма — неизбежной платой за успех коммерции. Короче говоря, Стейнбек писал о жизни в том ее виде, какой застал ее и я. Он подошел к тем же вопросам, к каким подошел и я, и понял, что они насущны — к этому пониманию пришел и я.

Русские писатели, когда я их открыл для себя несколько лет спустя, подействовали на меня так же. Казалось, они относятся к прозе не как к чему-то декоративному, а как к жизненно необходимому нравственно-этическому инструменту. Когда читаешь этих авторов, они тебя меняют, а мир вокруг словно бы начинает излагать другую, гораздо более интересную историю — историю, в какой можно сыграть значимую роль и где на читателя возложена ответственность.

Мы живем, как вы, вероятно, замечаете, в эпоху вырождения, нас бомбардируют необременительные, поверхностные и стремительно рассеивающиеся сгустки информации, имеющей свои неявные цели. Некоторое время нам предстоит провести в пространстве, где, по умолчанию, считается, что, как писал великий мастер русского рассказа Исаак Бабель, «никакое железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя»¹. Вскоре побываем мы в семи прилежно выстроенных моделях мира, вдохновленных определенным намерением, какое

¹ Из рассказа «Гюи де Мопассан», цикл «Одесские рассказы» (1923–1924).

наше время, быть может, не очень-то поддерживает, а именно — задаваться большими вопросами: Как нам тут жить? Что следует ценить? Что вообще такое истина, в конце-то концов, и как ее распознать? Как сохранять покой, когда у одних людей есть всё, а у других — ничего? Как с радостью жить в мире, какой вроде бы хочет, чтобы мы любили других людей, а сам, не церемонясь, рано или поздно разлучает нас с ними, невзирая ни на что?

(Ну вы понимаете, такие вот жизнерадостные — большие вопросы, очень русские по духу.)

Чтобы рассказ смог поставить такого рода вопросы, его нам сперва нужно дочитать. Он должен втянуть нас в себя, заставить двигаться по тексту. А потому задача этой книги — преимущественно диагностическая: если рассказ увлек нас, удержал наше внимание, дал нам почувствовать, что нас тут уважают, — как ему это удалось? Сам я вовсе не критик, не историк литературы, не специалист по русской литературе России. Моя художественная жизнь сосредоточена на попытке научиться писать рассказы, трогающие читателя, какие хочется дочитывать. Себя я считаю скорее эстрадным артистом, нежели ученым. Мой подход к обучению в меньшей мере академический («Воскресение в этом контексте — метафора политической революции, этого стойкого интереса в русском *цайт-гайсте*») и в большей стратегический («Зачем нам вообще повторно приезжать в эту деревню?»).

Основной порядок работы я тут предлагаю такой: читаем рассказ, а затем проделываем в уме то упражнение, какое я привел только что. Действи-

тельно ли тронуло вас то место, где вы побывали? Сопротивлялись ли вы чему-то — или, может, что-то вас смутило? Случилось ли вам всплакнуть, раздосадоваться, задуматься по-новому? Возникли ли у вас по прочтении стойкие вопросы? *Примем любой ответ.* Раз вы (мой чистосердечный трудяга-читатель) почувствовали в себе такое, оно имеет право на существование. Если рассказ загнал вас в тупик, это достойно упоминания. Вы заскучали или вас все достало? Ценное понимание. Незачем облекать свой отклик литературным языком или выражаться в понятиях «темы», «сюжета» или «развития персонажа» — ничего такого.

Рассказы эти были написаны, разумеется, по-русски. Я предлагаю те переводы на английский, какие подействовали на меня сильнее всего, или в некоторых случаях те, что я раздобыл много лет назад и с тех пор по ним преподаю. Я не читаю и не говорю по-русски, а потому за верность этих переводов подлинникам поручиться не могу (хотя мы об этом немного поразмыслим по ходу дела). Предлагаю подходить к этим рассказам так, будто они изначально были написаны по-английски, понимая, что мы теряем музыку русского языка и те оттенки, зримые в этих текстах русскоязычному читателю. Но даже на английском, лишенные этих красот, они способны подарить нам целые миры.

Главный же вопрос, каким я желаю нам всем задаваться, таков: что мы чувствовали и где мы это чувствовали? (Любая связанная интеллектуальная работа начинается с непосредственного отклика.)

После того как вы прочтете очередной рассказ в этой книге, я предложу вам свои соображения

в очерке, где представляю свой отзыв, обосную суть рассказа и дам некоторые технические пояснения, почему мы почувствовали то, что почувствовали, именно там, где это случилось.

Должен оговориться: тот или иной очерк мало чем окажется вам полезен, если вы не прочли соответствующий рассказ. Я постарался выстроить книгу так, чтобы вы читали их по горячим следам после рассказов. Для меня это — новая разновидность письма, более техническая, чем обычно. Надеюсь, конечно, что очерки получились развлекательными, однако, пока я писал, на ум мне приходила мысль о «рабочей тетради» — такой, в которой закипит работа, иногда нелегкая, однако трудиться мы будем вместе, с намерением проникнуть в этих рассказах глубже, чем позволяет простое первое прочтение.

Смысл в том, что кропотливый разбор этих рассказов сделает их более доступными нам; это плотное и, я бы сказал, принудительное знакомство с ними поможет понять маневры и инстинктивные движения, в значительной мере составляющие то, что на самом деле и есть писательство, от мига к мигу.

Итак, эта книга — для писателей, но также, надеюсь, и для читателей.

За последние десять лет мне выпала возможность устраивать читки и беседы по всему миру и знакомиться с тысячами увлеченных читателей. Их страсть к литературе (ее видно по их вопросам из зала, по нашим разговорам за раздачей автографов, из дискуссий, складывавшихся в книжных

клубах) убедила меня, что в мире жива и действует бескрайняя подспудная сеть блага: она состоит из тех, для кого чтение — сердцевина жизни и кто по собственному опыту знает, что чтение делает их самих просторнее и щедрее, а саму жизнь — интереснее.

Пока писал эту книгу, я держал в памяти как раз этих людей. Из-за их щедрости к моим работам и увлечения литературой, из-за их веры в нее я считал, что мог бы замахнуться здесь пошире — писать сколь угодно технологично, занудно или прямолинейно, если это необходимо, чтобы исследовать истинное устройство творческого процесса.

Изучение того, как мы читаем, равносильно изучению того, как работает ум: как он проверяет то или иное утверждение на истинность, как он ведет себя относительно другого ума (то есть ума автора), отделенного пространством и временем. По сути, мы здесь понаблюдаем за тем, как мы читаем (пытаясь реконструировать то, что мы чувствовали, когда вот сейчас читали). Зачем нам это? Та часть ума, которая читает рассказ, — та же, что читает и окружающий мир: ум способен обманывать нас, но его можно научить точности; он бывает недогружен, и мы делаемся уязвимее перед ленью, непримиримостью и материализмом, но его можно оживить и тем самым преобразиться — стать более деятельными, пытливыми и чуткими читателями действительности.

На протяжении всей книги я буду предлагать вам некоторые модели осмысления рассказов. Ни одна из них не «правильная» и не исчерпывающая. Считайте их риторическими пробными ша-